
УДК: 336.717:[330.1:004.7]

JEL: E 02, E 44, G 32

Валерия Корнивская

НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА: ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Проанализированы актуальные тенденции усиления наднационального надзора как результата мирового контркризисного реформирования в контексте сжатия нерегулируемого пространства операционной активности финансовых посредников и реализации принципов глобального управления. Характеризуются базовые подходы финансового комплаенса, его цели, механизмы внедрения в глобальных и национальных финансовых пространствах. Систематизируется законодательно-нормативная основа реализации финансового комплаенса в европейской финансово-институциональной системе координат и определяется эффективность наднациональных систем финансового контроля. Раскрыты особенности наднационального регуляторного развития. Показана амбивалентность финансового комплаенса в части его реализации в плоскости взаимодействия клиент-банк: на фоне банковского диктата в отношении клиентов сами финансовые учреждения могут преодолевать нормативные ограничения их деятельности путём более активного использования представителями глобальных финансовых кругов теневого банкинга, оффшорных операций и т.д. Сформировано видение квазиинституционализации или мнимой институционали-

Корнивская Валерия Олеговна (vkornivska@ukr.net), д-р экон. наук; старший научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>

Цитирование: Корнивская В. А. Наднациональное регулирование финансового рынка: противоречия институционализации. *Экономическая теория*. 2022. № 1. С. 71–98.

© В. Корнивская, 2022

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2022. № 1: 71–98

зации, что проявляется в формальном увеличении надзорных процедур, росте регуляторных механизмов и в общем укреплении контроля, но фактическом избегании глобальных финансовых структур нежелательного финансового комплаенса. Сделан вывод, что глобальные тенденции усиления надзора вплоть до гиперинституционализации на локальном уровне приводят к формированию и расширению внеинституциональных пространств, не поддающихся классическому регулированию (теневой банкинг), или в которых правила деятельности недоступны для восприятия и использования для рядовых субъектов (банковский комплаенс).

Ключевые слова: наднациональное регулирование, финансовое посредничество, финансовый комплаенс, гиперинституционализация, квазинституционализация, внеинституциональные пространства.

SUPERNATIONAL FINANCIAL MARKET REGULATION: CONTRADICTIONS OF INSTITUTIONALIZATION

Valerii Kornivska (vkornivska@ukr.net), Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0348-0404>.

The article considers the current trends of strengthening supranational supervision as a result of global counter-crisis reform in the context of the shrinking unregulated space of operational activity of financial intermediaries and the implementation of the principles of global governance. The author characterizes the basic approaches of financial compliance, its goals, and implementation mechanisms in the global and national financial spaces. The legislative and normative basis for the implementation of financial compliance in the European financial and institutional coordinate system is systematized and the effectiveness of supranational financial control systems is determined. Features of supranational regulatory development are revealed. The ambivalence of financial compliance in terms of its implementation in the field of client-bank interaction is shown: against the background of banking dictates about clients, financial institutions themselves have the opportunity to overcome regulatory restrictions by more active use of shadow banking, offshore operations and more. There is a vision of quasi-institutionalization, or imaginary institutionalization, which manifests itself in the formal increase of supervisory procedures, the growth of regulatory mechanisms and the strengthening of general control, and at the same time in the actual avoidance by global financial structures from undesira-

ble financial compliance. It is concluded that global trends of strengthening supervision close to hyperinstitutionalization at the local level lead to the emergence and expansion of non-institutional spaces that are not subject to classical regulation (shadow banking), or in which rules of operation are not available for adoption and use by ordinary entities (banking compliance).

Key words: supranational regulation, financial intermediation, financial compliance, hyperinstitutionalization, quasi-institutionalization, non-institutional spaces

Исторический анализ эволюции финансового посредничества позволяет увидеть особенный характер и роль государственного регулирования в его развитии. Меры содействия финансовому посредничеству всегда сочетались со стремлениями создания установившихся систем взаимодействия в плоскости *государство – финансовое учреждение – потребитель финансовых услуг*; активная государственная поддержка деятельности посредников уравнивалась процессами институционализации, формирования эффективного законодательно-нормативного базиса. В то же время во времена экономического расцвета бдительность государственных регуляторов усыплялась, происходила либерализация, что часто приводило к финансовой дестабилизации, после которой законодательная основа операционной активности финансовых посредников вновь становилась прочной, и постепенно, благодаря институциональному приспособлению, достигалась гармонизация в треугольнике *государство – финансовое учреждение – потребитель финансовых услуг*, внутренние системные настройки срабатывали достаточно эффективно.

После финансового кризиса 2007 года произошли явные сдвиги в сторону концентрации контроля на наднациональном уровне. В мире глобальных финансов государства были признаны неспособными к эффективному регулированию. Продолжающиеся бифуркационные тенденции продемонстрировали неотложную необходимость эффективного управления финансово-институциональными процессами в контексте усиления наднационального надзора, инициированного Большой двадцаткой (G-20), Советом по финансовой стабильности, Базельским комитетом, МВФ, группой

Всемирного банка, ЕЦБ, институтами Европейской системы финансового надзора.

Исследователи МВФ доказывали, что в условиях глобальных финансовых рынков, в которых системные недостатки в одной стране могут повлиять на многие другие страны, рынки, надзор и регулирование должны признаваться как одна из сфер глобальной ответственности (Ботон, Брэдфорд мл., 2007). Их поддерживали руководящие лица ЕЦБ, Жан-Клод Трише в серии своих выступлений отмечал необходимость надёжной институциональной инфраструктуры в сфере трансграничного движения капитала для обеспечения глобальной стабильности (Trichet, 2010). Йорг Асмуссен, характеризуя принципы глобального управления, обосновывал, что менее эффективны те, которые основаны на доминанте национальных суверенитетов, следовательно, нужно усилить глобальную координацию и соответствовать в своей деятельности прежде всего глобальным потребностям (Asmussen, 2013).

Проблемы глобального регулирования стимулировали активный научный поиск, результатом которого явился ряд исследований (Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы, 2013; Глобальное управление: возможности и риски, 2015), выводы которых свидетельствовали, что на самом деле проблема неоднозначна, и наряду с перспективами существуют и значительные риски координации и эффективности наднационального управления для субъектов национальных экономических пространств.

Анализ посткризисного финансово-институционального реформирования в ЕС показал, что с каждым новым шагом развивались противоречия усиления наднационального регулирования, когда принятие важных законодательных нововведений откладывалось на неопределённый срок (налог на банки и налог на финансовые трансакции на общеевропейском уровне), в то же время вновь созданные нормативные инновации негативно влияли на национальные финансовые пространства (Корнівська, 2018). Эта работа является продолжением предыдущих исследований с целью освещения новых примеров противоречий доминанты наднационального регулирования финансово-институционального пространства.

Основными подходами мирового контркризисного реформирования явилось сжатие нерегулируемого пространства операционной активности финансовых посредников и реализация принципов глобального управления¹. В европейской системе финансово-институциональных координат эти подходы были заложены в фундамент единой наднациональной системы регулирования финансовых рынков, преодолевающей сегментированность надзора в сфере финансового посредничества. Единство надзора начинается с формирования единой национальной системы регулирования банковского, фондового, страхового сегментов рынка с постепенным присоединением к наднациональным регулирующим структурам (Европейская система финансового надзора и Европейский совет по системным рискам). Доминантность наднационального уровня регулирования проявляется, в частности, в подчинении субъектов национального финансового пространства непосредственно наднациональным регуляторам (например, в условиях Европейского банковского союза).

На заседаниях G-20 были разработаны базовые элементы новой глобальной нормативно-правовой основы для обеспечения устойчивости мировой финансовой системы и национальных финансовых систем как её составляющих: были проведены реформы по повышению стабильности банковской системы и ответственности банковских учреждений путём усиления пруденциальных требований и усовершенствования антикризисного управления; разработаны мероприятия по укреплению системы регулирования других составляющих финансовых рынков и их инфраструктуры, особенно по созданию регулируемого и прозрачного механизма торговли деривативами, значительное внимание было уделено деятельности хедж-фондов и рейтинговых агентств и т.д.

Находясь в водовороте неопределённости, мировые финансовые регуляторы разрабатывают, казалось бы, идеальные меха-

¹ По определению МВФ, глобальное управление – это процесс совместного руководства, объединяющего национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей, для чего создаются соответствующие органы наднационального уровня.

низмы финансового контроля и ужесточают требования к деятельности финансовых посредников и хозяйствующих субъектов, пытаясь создать максимально эффективные системы риск-менеджмента на основе новейших технологий, предлагаемых цифровой экономикой.

Сегодня даже высказываются мнения, что управление глобальной финансовой системой можно организовать с помощью искусственного интеллекта, максимально формализовав все финансовые процессы, подвергнув их жёсткому контролю. При этом отмечается, что искусственный интеллект обладает большим потенциалом в сфере обеспечения антикризисного развития мировой финансовой системы, позволяя преодолеть влияние "человеческого фактора" (Popkova, Parakhina, 2018).

В финансово-институциональном пространстве как часть глобального управления всё прочнее укореняются принципы комплаенса, означающие, что экономическая активность рыночных субъектов организуется в соответствии с законодательными и нормативными основами, без чего невозможно взаимодействие ни с контрагентами, ни с клиентами. Практической целью комплаенса является достижение такого уровня гармонизации отношений в плоскости *рыночный субъект – контрагент – клиент*, чтобы ведение деятельности в правовом поле было более выгодным, чем при выходе за его пределы.

Международная ассоциация *комплаенса*² (International Compliance Association) описывает его как способность действовать в соответствии с законодательством или набором правил. Как определяют представители юридических кругов, "базовая модель системы многоуровневого комплаенса заключается в соответствии государственного законодательства международным нормам и стандартам. Внутриправовые акты предприятия должны соответствовать актуальному законодательству государства. Последний "внутренний" уровень комплаенс-системы заключается в соответствии внутренних процессов предприятия утверждённым внутренним нормативно-правовым актам" (Гончарова, Вернигора, 2018).

² International Compliance Association. URL: <http://www.int-comp.org/faqs-compliance-regulatory-environment>

Следовательно, комплаенс, возникая на наднациональном уровне, пронизывает все этапы экономического взаимодействия рыночных субъектов. Его конечной целью является институциональная толерантность субъекта к процессу глобального управления, которое становится императивным.

Для этого, по данным International Compliance Association, с 2001 года на финансовый рынок вышло 160 тыс. специалистов по комплаенсу, призванных распространять его культуру и принципы, закреплённые в кодексах поведения, добродетели и этики, включая: усиление постоянной потребности в прозрачности и открытости; поощрение независимости мнений и суждений представителей комплаенса; пропаганду культуры ведения бизнеса в законодательных рамках; борьбу со всеми аспектами финансовой преступности; содействие финансовой инклюзии (*International Compliance Association*, 2021).

Это сущностная, но скорее формальная сторона вопроса. Практика показывает, что комплаенс внедряется сложно, с искажениями и непредсказуемыми результатами, одним из которых является обострение институционального неравенства субъектов. И особенно это касается финансового комплаенса.

Финансовый комплаенс означает всестороннюю проверку финансовых учреждений и их клиентов относительно соответствия их финансовых операций законодательным нормам (с возможностью со стороны банка отказать клиенту в открытии счёта, принятии финансовых ресурсов на депозит, выполнении платежей клиента и т.п.). Базовый наднациональный уровень финансового комплаенса обеспечен нормативными актами Базельского комитета: *Compliance and Compliance Function in Banks* (2005); *Corporate Governance Principles for Banks* (2015). Особенно активно комплаенс развивается в плоскости, которая касается борьбы с отмыванием денег и неуплатой налогов.

Отмывание денег может происходить во всех экономических областях: от торговли товарами и покупки недвижимости до медицинских услуг, но всегда с использованием банковской системы, особенно при конвертации и перемещении незаконных доходов. Данные Евростата показывают, что более 75% подозрительных

транзакций осуществлялось через кредитные учреждения (и более половины стран-членов ЕС)³ (*Money laundering in Europe*, 2013). Каждый этап процесса отмыwania денег от получения доходов до интеграции "отмытых" средств в легальную экономику происходит посредством финансового посредника⁴.

В европейском финансово-институциональном пространстве вопрос о борьбе с отмыwанием денег возник не сегодня. Принятие первой Директивы ЕС по противодействию отмыwанию денег состоялось в 1991 году, последняя, пятая версия Директивы – от 30 мая 2018 года 2018/843 (далее Директива)⁵ (*Directive*, 2018)⁶. Со-

³ Money laundering in Europe. 2013 edition. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-statistical-working-papers/-/KS-TC-13-007>

⁴ Стандартная схема отмыwania включает: получение преступных доходов, которые могут принимать форму наличных денег, финансовых инструментов (облигаций, акций) или нефинансовых активов, таких как имущество, предметы искусства, антиквариат и другие товары; размещение нелегальных доходов в финансовой системе – путём разбиения крупной суммы наличности на менее заметные суммы или с помощью других денежных инструментов (чеков, банковских переводов, денежных переводов и т.п.); осуществление серии конверсий или перемещений средств, чтобы удалить их от источника, путём купли-продажи инвестиционных инструментов или перевода средств через ряд счетов в разных банках; интеграция отмытых средств в законную экономику путём инвестирования в собственность, предметы роскоши или бизнес-проекты

⁵ Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU

⁶ Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в США возникновение комплаенса как принципа операционной активности произошло значительно раньше – в начале XX в. – с создания Агентства Министерства здравоохранения и социальных служб (FDA – Food and Drug Administration). Это учреждение разрабатывало нормы, регулировавшие деятельность предприятий из сферы фармацевтической и пищевой промышленности. Основным толчком к формированию комплаенса стали коррупционные скандалы 1960-70-х годов. В результате этих инцидентов в 1977 году был принят Закон США "О борьбе с практикой коррупции за рубежом" (FCPA — Foreign Corrupt Practices Act), который утвердил строгие правила контроля, закрепил требования к бухгалтерской и финансовой документации, определил правила взаимодействия с госслужащими.

гласно этому документу государства-члены ЕС были обязаны ввести его в национальное законодательство, имплементировав основные положения до 10 января 2020 года. *Главный посыл Директивы: ответственные субъекты должны применять требования надлежащей проверки клиентов при вступлении в деловые отношения (т.е. идентифицировать и проверять личность клиентов, контролировать сделки и сообщать о подозрительных операциях)*. На сегодняшний день Директива включает следующие направления: (а) ведение учёта как финансовыми учреждениями, так и субъектами, предоставляющими юридические услуги, нотариусами, бухгалтерами и агентствами недвижимости; (б) полное определение круга преступных действий; (в) требования к обнаружению, отслеживанию, аресту и конфискации имущества и доходов, полученных преступным путём; (г) меры по борьбе с финансированием терроризма; (д) прозрачность перевода средств; (е) требования по обмену информацией об отмывании денег между государствами-членами ЕС; (е) требования в сфере применения цифровых активов (криптовалюты).

Пятая Директива о борьбе с отмыванием денег была введена в результате утечки информации из так называемых "Панамских документов" и значительно усилила требования по прозрачности информации о конечных бенефициарах и владельцах компаний; активизировала работу финансовой разведки и создания централизованных реестров банковских счетов для предотвращения их анонимного использования, а также использования виртуальных валют; улучшила сотрудничество европейских органов надзора и ЕЦБ; расширила критерии оценки стран высокого уровня риска (Jourová, 2018).

Существуют также другие нормативные акты ЕС, которые дополняют Директиву и сосредоточены на отслеживании преступных действий путём усиления прозрачности переводов: Положение о банковских переводах (Регламент ЕС 2015/847) (*Wire Transfer Regulation*, 2015), технические стандарты, выводы и рекомендации для национальных органов, разработанные Европейским органом

банковского надзора. (Законодательной основой как Директивы, так и Регламента являются рекомендации FATF от 2012 года.)

Летом 2019 года Еврокомиссия активизировалась на пути борьбы с отмыванием денег и 24 июля 2019 года обнародовала четыре доклада под общим названием "На пути к лучшему внедрению системы ЕС по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма". Менее чем через год, 7 мая 2020 года Европейская комиссия приняла всеобъемлющий план действий по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма, а уже 16 сентября 2020 года Еврокомиссией был принят отчёт, в котором было оценено, должным ли образом государства-члены привели в соответствие национальное законодательство с Директивой (ЕС) 2018/843. 20 июля 2021 года Европейская комиссия представила амбициозный пакет законодательных предложений по укреплению нормативного пространства ЕС, в нём предлагается создать новый орган для борьбы с отмыванием денег.

В то же время реальная эффективность наднациональных систем финансового контроля всё чаще вызывает сомнение. Так, 28 июня 2021 года Европейская счётная палата опубликовала свой специальный отчёт о мерах ЕС по борьбе с отмыванием денег в банковском секторе. Вердикт был неутешительным: "Усилия ЕС по борьбе с отмыванием денег в банковском секторе фрагментированы, неэффективны. На уровне ЕС нет эффективной координации, надзор в основном осуществляется на национальном уровне, надзор ЕС – явно недостаточный". Проблема также в отсутствии согласованности действий на наднациональном и национальном уровнях и неполнота реализации директив ЕС на национальном уровне. Проверка выполнения законодательства ЕС в странах-членах занимает достаточно много времени; не хватает географической направленности, определения приоритетов развития особо уязвимых секторов и информации о динамике рисков (Giegold, 2021).

В отчёте также указывается, что Европейский орган банковского надзора не в полной мере реализует свои полномочия, очевиден конфликт интересов, поскольку, имея возможность по собственной инициативе расследовать нарушения законодательства, он ещё ни разу не воспользовался этим правом с момента его созда-

ния в 2010 году. По крайней мере, в одном расследовании национального нарушения законодательства аудиторы нашли доказательства лоббирования с целью влияния на принятие решения. Попытки защиты "своих протезе" очевидны, что подтверждается отсутствием систематического обмена информации между Европейской комиссией и Европейским органом банковского надзора, Европейским центральным банком и национальными органами финансового надзора⁷. Создание списка третьих стран с высоким риском затягивается, при этом наблюдается неэффективность сотрудничества между Европейской службой иностранных дел и Еврокомиссией. Ещё один пример внутренней конфликтности наднациональных систем финансового контроля, в частности FATF, – процесс внесения Мальты в глобальный "серый список" по отмыванию денег и финансированию терроризма, который стал первым случаем, когда государство – член ЕС попало в этот список, при этом Еврокомиссия пыталась защитить страну⁸, поэтому подверглась существенной критике со стороны евродепутатов (Giegold, 2021).

Все эти факты свидетельствуют о том, что, несмотря на десятилетний опыт функционирования единой Европейской системы финансового надзора, результаты её операционной активности несовершенны, часто амбивалентны; что частично объяснимо и противоречиями в национальном и наднациональном представительстве в общеевропейских надзорных органах. Например, и Комиссия, и 27 государств – членов ЕС представлены в Наблюдательном совете Европейского органа банковского надзора, однако Комиссия ЕС не имеет права голоса⁹. Этот факт ещё раз подчёркивает важные признаки современного трансформационного периода наднационального регуляторного развития: внутреннюю конфликтность наднациональных систем регулирования; очевидное лоббирование интересов государств-членов на уровне наднациональных регули-

⁷ Хотя принцип обмена информацией был заложен в учредительных документах при формировании Европейской системы надзора и Совета по системным рискам.

⁸ Кроме Мальты, 25 июня 2021 года в так называемый "серый список" были добавлены Филиппины, Гаити и Южный Судан.

⁹ EBA. Members and Observers. URL: <https://www.eba.europa.eu/about-us/organisation/board-of-supervisors/members>

рующих структур; отсутствие единых подходов, оценок, мнений на уровне глобальных и региональных регуляторов, не говоря уже о национальных; постепенное фактическое нивелирование идеи глобального управления.

Не менее важным элементом современной комплаенс-системы в европейском финансовом пространстве является борьба с офшоризацией и ограничением использования банковскими учреждениями налоговых гаваней. Начиная с 2008 года в мировом информационном пространстве всё чаще раздаются сенсационные свидетельства о развитии операций по оптимизации налогов в странах-гаванях (*UBS*, 2008; *Offshore leaks*, 2013; *Luxleaks*, 2014; *Swissleaks*, 2015; *Panama Papers*, 2016). Информационные источники доказывают значительную посредническую роль глобальных банков в создании фиктивных компаний, фондов и трастов, позволяющих избежать уплаты налогов. В то же время наличие такой информации не означает, что она может быть использована в регуляторных и контролируемых целях. Например, в список стран – налоговых гаваней входит Люксембург, который занимает одно из первых мест по показателю ВВП на душу населения в мире, является финансовым ядром Европейского Союза, имеет большую и сложную финансовую инфраструктуру, и также является одной из самых удобных и "дружественных" к клиентам стран. Возникает вопрос: будут ли применены санкции в отношении этого государства и действительно ли ведётся работа в этом направлении? С формальной точки зрения, внедрение соответствующих нормативных актов и сбор информации ведётся как на наднациональном уровне, так и в системе национальных государств. Но их фактическая эффективность всё чаще подвергается критике.

В европейской Директиве, касающейся требований к капиталу (*Capital requirements directive (CRD IV)*)¹⁰, провозглашается необхо-

¹⁰ В 2013 году ЕС ввёл так называемый пакет CRD IV, включающий Директиву 2013/36/ЕС и Регламент (ЕС) № 575/2013. Это третий набор поправок к первоначальной банковской директиве (CRD) после двух предыдущих редакций, принятых Комиссией в 2008 (CRD II) и 2009 (CRD III). Правила, указанные в документах, имеют целью предотвратить банковскую уязвимость, устанавливая жёсткие пруденциальные требования к банкам, требуя от них удерживать достаточную ликвидность и резервы капитала.

димось роста прозрачности в финансово-институциональном пространстве как залог восстановления комплементарных связей между финансовым и реальным сектором: "Повышенная прозрачность деятельности учреждений, в частности, то, что касается полученных доходов, уплаченных налогов и полученных субсидий, имеет важное значение для восстановления доверия граждан Союза к финансовому сектору. Обязательная отчётность в этой сфере может рассматриваться как важный элемент корпоративной ответственности учреждений" (*Prudential requirements*, 2017).

С 1 января 2015 года все европейские банки, являющиеся глобальными системно важными учреждениями (*global systemically important institutions*), обязаны публично раскрывать данные о странах своего присутствия (*country-by-country data*), как предусмотрено Capital Requirements Directive (CRD) IV (европейской Директивой, касающейся требований к капиталу). Также 40 юрисдикций предоставляют соответствующую банковскую статистику в BIS, на основе которой определённым образом можно анализировать объёмы операций налоговой оптимизации (кроме неформального сбора информации, на сегодняшний день это единственные способы оценки европейской офшоризации) (*Bouvatier, Capelle-Blancard Delatte*, 20).

Каким образом отвечают экономические агенты на ужесточение требований по раскрытию информации об операциях в странах-гаванях? Ответ экономических агентов ещё очень далёк от этапа принятия. Для оперирования в жёстко регулируемом пространстве рыночные субъекты пытаются находить законодательные лазейки или углублять коррупцию на всех уровнях экономического взаимодействия, во всех областях экономической деятельности – человеческий фактор в действии.

Например, как сообщает "Экономическая правда" со ссылкой на "The Guardian"¹¹, ведущие европейские банки размещают в на-

См. раздел Prudential requirements. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/financial-supervision-and-risk-management/managing-risks-banks-and-financial-institutions/prudential-requirements_en

¹¹ Finance.ua. 2021. URL: <https://news.finance.ua/ru/news-/499850/evropejskie-banki-ezhegodno-sberegayut-v-nalogovyh-gavanyah-20-milliardov-evro>

логовых гаванях около 20 млрд евро, что эквивалентно 14% их общего дохода. Прибыль, регистрируемая банками в налоговых приютах, чрезмерно высока: около 238000 евро прибыли на одного сотрудника (против 65000 евро в странах, не являющихся таковыми). При этом процент занятого персонала в странах-гаванях составляет всего 4%. Особенно низкую эффективную ставку налога на прибыль¹², менее 15%, используют Barclays, HSBC и NatWest (в прошлом Royal Bank of Scotland). Несмотря на надежду, что жёсткие требования по предоставлению отчётности по странам, введённые в 2015 году (*individual country-by-country reporting*), приведут к изменениям в практике, процент прибыли, зарегистрированной в налоговых убежищах, за последние семь лет не стал меньше. Восемь банков даже увеличили процент своей прибыли в налоговых гаванях за этот период: Monte dei Paschi di Siena (рост на 19,4%), Intesa Sanpaolo (+12,2%), HSBC (+7,9%), Barclays (+ 4,3%), Nordea (+2,1%), BBVA (+1%), Banco Santander (+0,8%) и Rabobank (+0,7%)¹³.

Обратной стороной усиления регулирования является расширение внеинституционального пространства в финансовой сфере, которое находится вне влияния стандартных процедур регулирования; и это касается не только Европы, это глобальная проблема. Как показало агентство Bloomberg, с 2010 по 2018 год доля операций теневого банкинга¹⁴ выросла с 20,9 до 46,3% в совокупном объёме операций кредитно-финансовых учреждений (*Bakewell*, 2018), в 2019 году их объём уже составил 49,5% (*Macknight*, 2020).

Согласно опубликованному в декабре 2020 года Отчёту Совета по финансовой стабильности по мониторингу вопросов небанковского финансового посредничества, последнее представляет собой основной источник теневого банкинга и удерживает активы

¹² Эффективная ставка налога рассчитывается как соотношение совокупного уплаченного налога к объявленной прибыли во всех юрисдикциях.

¹³ При этом после финансового кризиса 2008 года для спасения европейских проблемных банков было использовано более 1,5 трлн евро средств налогоплательщиков.

¹⁴ Теневой банкинг – предоставление финансовыми институтами услуг, по содержанию аналогичных банковским, но не подпадающих под классическое банковское регулирование.

на сумму около 200 трлн долл. США, в 2019 году оно выросло на 8,9%, опередив банковский сектор – на 5,1%. На США приходится самая большая в мире доля (30%) теневых банковских операций. Китай лидирует среди развивающихся стран. Согласно данным Китайской комиссии по регулированию банковской деятельности и страхованию, опубликованным в декабре 2020 года, размер теневого банковского сектора оценивается в 13,04 трлн долл., что составляет 86% ВВП и 29% общих банковских активов страны (Macknight, 2020).

Теневой характер практически 50% операций глобальной финансово-кредитной системы является очевидной составляющей климата коррумпированности, особенно распространившегося в мире в условиях современной пандемии. Цитируем отчёт мировой организации по борьбе с коррупцией "Transparency international" за 2020 год: "В этом году Индекс восприятия коррупции представляет мрачную картину уровня коррупции по всему миру. За десять лет большинство стран не преуспели в борьбе с коррупцией или добились минимального прогресса, при этом более двух третей из них набрали менее 50 баллов. Результаты проведённого нами исследования показывают, что коррупция не только ставит под угрозу глобальную борьбу с COVID-19, но также способствует продолжающемуся кризису демократии" (*CPI 2020: global highlights*).

Председатель Правления Transparency International Делия Феррейра Рубио отметила: "Пандемия COVID-19 – это не просто кризис в области здравоохранения и экономики. Это коррупционный кризис, и сегодня нам не удаётся его преодолеть" (*CPI 2020: global highlights*). Пандемийный хаос, значительные государственные выплаты, максимальная оперативность открытия государственных программ поддержки – это стимулирует создание коррупционных лазеек для мошенников.

Интересно, что одним из факторов укрепления коррупции в мире является глобализация, эволюционное развитие которой одновременно стимулировало усиление незаконного движения ликвидности. Исследователи МВФ Анвар Шах и Марк Шактер (Шах, Шактер, 2004) в 2004 году опубликовали работу, в которой обосновывали мнение, что рост прозрачности, либерализация торговли

и финансов – это пути ограничения коррупции. Спустя десятилетие стало понятно, что распространению коррупции на глобальной экономической арене способствовала как раз либерализация торговли и финансов через деятельность транснациональных корпораций, а именно систему взаимодействия ТНК и контролирующих органов на рынках, где реализуются товары корпораций. Глобальные компании обычно сталкивались с проблемами входа на новый рынок, при этом менеджеры "на местах" осуществляли и осуществляют коррупционные платежи за выигрыш делового контракта, утверждение прав на реализацию продукции, уменьшение налогов или уход от таможенных пошлин. При этом, согласно опросу компании Ernst & Young, только 35% компаний приняли меры против таких сотрудников (Venkatesan, 2015), иначе говоря, для остальных 65% компаний – это норма.

В 2018 году Генсек ООН Антониу Гутерриш в послании по случаю Международного дня борьбы с коррупцией отмечал: "Ежегодные потери мировой экономики в результате коррупции составляют 2,6 триллиона долларов (по состоянию на 2018 г. 5 % мирового ВВП), ежегодный объём взяток в мировом масштабе составляет 1 триллион долларов"¹⁵.

И эти процессы развиваются, несмотря на провозглашение и активную институционализацию принципов прозрачности, подотчётности, ответственности – комплаенса как в глобальном, так и в национальных экономических пространствах. Отчёт Global Witness представляет результаты исследования примеров ведения банковских операций с коррумпированными режимами. В отчёте отмечается, что мировая финансовая система организует перемещение денег по всему миру; при этом банки используются как для трансакций украденных денег, так и для выплаты взяток, анонимные компании и трасты – для сокрытия личности. "Председатели финансовых учреждений, допускающие нарушения, редко привлекаются к ответственности. Коррумпированные политики получают доступ к мировой финансовой системе, банки получают большие

¹⁵ В результате коррупции мировая экономика ежегодно теряет 2,6 трлн долларов. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641>

прибыли, и всё это происходит на фоне значительных социальных и экологических затрат для остальных"¹⁶.

В 2020 году Salman Bahoo в своей работе "Corruption in banks: A bibliometric review and agenda" ("Коррупция в банках: библиометрический обзор и повестка дня") систематизировал результаты исследований, посвящённых коррупции в банках, представленных в 819 статьях, опубликованных за период с 1969 по 2019 год (Bahoo, 2020)¹⁷. Анализ показал, что если с 1969 по 1991 год таких работ насчитывалось достаточно мало: 1–2 в год, то начиная с 1992 года исследовательское внимание росло поразительными темпами: в 1998 году их было 12, в 2006 – 16, в 2010 году – 33, в 2016 – 80, а в 2018 – 115; наиболее популярными направлениями исследований были следующие: детерминанты коррупции банков при кредитовании; влияние коррупции на кредитные и операционные риски банков; влияние банковской коррупции на фирмы; влияние политических связей на коррупцию в банках; влияние корпоративного управления и нормативных актов на коррупцию в банках; манипуляции межбанковской ставкой (Bahoo, 2020).

Теоретики финансового посредничества доказывали, что его историческое развитие свидетельствует об особой сущностной природе в части оперирования в институционализированном пространстве, реагировании на законодательные инновации: в ответ на более жёсткое законодательство финансовые учреждения практически всегда находят законодательные лазейки или разрабатывают новые финансовые инструменты (Kane, 1977; 1986), позволяющие сохранять эффективность операций и способствовать её росту. Такая сомнительная инновационная способность даёт существенные преимущества финансовому посредничеству перед другими участниками финансовых процессов – рядовыми клиентами финансовых учреждений, для которых комплаенс, создавая гиперинституционализированное пространство операционной активности,

¹⁶ Banks and Dirty Money. URL: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns/corruption-and-money-laundering/banks-and-dirty-money/>

¹⁷ Проанализированы работы, которые были в базе ISI Web of Knowledge.

не является залогом защиты от оппортунистического поведения самих финансовых учреждений.

Комплаенс для клиента финансового учреждения означает предоставление банку полной идентификационной информации, а также проверку банком законности проведения инициированной клиентом операции. С 2014 года международные стандарты комплаенса стали развиваться и в украинской системе финансово-институциональных координат, значительно усилив требования к идентификации клиентов и подтверждению легитимности финансовых операций. На первых порах процесс комплаенса реализовывался на основе Постановления НБУ "Об утверждении Положения об организации внутреннего контроля в банках Украины" от 29.12.2014 № 867, которое определяло комплаенс-риск как "риск юридических санкций, финансовых потерь или утраты репутации вследствие неисполнения банком рыночных стандартов, а также стандартов и внутренних документов банка, в том числе процедур" и обосновывало эффективную систему внутреннего контроля с целью достижения комплаенса¹⁸. Первые годы организации комплаенс-пространства в Украине были связаны с внедрением регулярной идентификации/верификации клиента как части культуры взаимодействия с банковским учреждением. Согласно ст. 11 последней редакции Закона Украины "О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения"¹⁹ (далее – Закон) банк как субъект первичного финансового мониторинга обязан осуществлять надлежащую проверку, в том числе идентификацию, верификацию клиента (представителя клиента). При этом условия реализации системы комплаенса предусматривают регулярность таких процедур и предоставление по требованию банка любой ин-

¹⁸ Постанова НБУ "Про затвердження Положення про організацію внутрішнього контролю в банках України" від 29.12.2014 р. № 867. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0867500-14>

¹⁹ Закон України "Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, фінансуванню тероризму та фінансуванню розповсюдження зброї масового знищення" від 06.12.2019 N 361-IX. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/MN022437?an=2>

формации, необходимой для оценки легитимности проводимой клиентом операции. Непредоставление такой информации (даже по объективным причинам) часто вызывает блокировку счёта или ненадлежащее обслуживание, при этом профессиональность деятельности самих работников банка и действительная законность их требований часто может быть подвергнута сомнению, не говоря уже о здравом смысле (например, в банках практикуется требование по написанию клиентами объяснительных записок о направлении, куда будет потрачена снятая со счёта наличность, речь идёт даже о небольшой сумме, если она превышает установленные банком ограничения на снятие финансовых средств).

Внедрение в Украине в феврале 2019 года валютной либерализации значительно усложнило процесс взаимодействия в плоскости клиент – банк, поскольку происходило одновременно с возложением на сами банки ответственности за нарушение валютного законодательства клиентами. В статье 11 Закона Украины "О валюте и валютных операциях"²⁰ указано: "Валютный надзор осуществляется органами валютного надзора и агентами валютного надзора с целью установления соответствия совершаемых валютных операций валютному законодательству с учётом риск-ориентированного подхода", использование которого на практике превращается в субъективную оценку рисков проведённой клиентом операции работниками валютного контроля. Часто, чтобы не нарушать валютное законодательство, банки просто отказываются от проведения рискованных, по их мнению, операций клиентов, требуя предоставить объяснения и дополнительные документы. "Диалог с банком превращается в мини судебный процесс, в котором клиент по умолчанию становится обвиняемым и всеми силами должен доказать судье (в лице начальника отдела валютного контроля) свою невиновность" (Кісельов, 2020).

Жёсткая бюрократическая система комплаенса, в то же время его аморфность, неопределённость даже с точки зрения самого банковского учреждения, свидетельствует о формировании внеинституционального пространства, когда принципы соответствия ком-

²⁰ Закон України "Про валюту і валютні операції". URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2473-19#Text>

плаенсу сугубо индивидуальны, зависят от воли и желания определённого офицера комплаенса.

Аналитики современной комплаенс-системы справедливо характеризуют её особенности как "архаической модели управления по типу религиозного ордена. Комплайенс-процесс строго индивидуализирован. Нет единой методики принятия решений по акцепту клиента. В том числе по поводу того, что клиент должен предоставить в банк и на какие вопросы ответить. Решение должен принимать комплайенс-офицер на основании исключительно своего ощущения. Нормы и правила заменены расплывчатыми рекомендациями, дополненными постоянным поощрением инициативы по созданию новых требований и ограничений на местах". Отсутствие каких-либо ограничений для вмешательства представителей комплаенс-системы в повседневную операционную активность клиентов в части ограничения и запрещения платёжных операций поражает, в то же время она становится неотъемлемой составляющей финансово-институционального пространства, и именно специалисты комплайенс-системы составляют 60% вакансий в лондонском Сити²¹.

Введённая в Украине в апреле 2020 года новая редакция Закона "О предотвращении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения" от 06.12.2019 N 361-IX²² значительно расширила полномочия банков как субъектов первичного финансового мониторинга относительно получения информации, необходимой для верификации клиента в контексте риск-ориентированного подхода, и ещё более усложнила взаимодействие между банками и их клиентами. При этом субъекты финансового мониторинга, их должно-

²¹ Мовчан А. Как честному бизнесмену сохранить деньги на Западе. Объясняет Андрей Мовчан. URL: <https://secretmag.ru/business/methods/kak-chestnomu-biznesmenu-iz-rossii-sokhranit-dengi-na-zapade-obyasnyayet-andrei-movchan.htm>

²² Закон України "Про запобігання та протидію легалізації (відмиванню) доходів, одержаних злочинним шляхом, фінансуванню тероризму та фінансуванню розповсюдження зброї масового знищення" від 06.12.2019 N 361-IX. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/MN022437?an=2>

стные лица и другие работники не несут ответственности за ущерб, причинённый юридическим и физическим лицам в связи с исполнением ими служебных обязанностей при проведении финансового мониторинга, если они действовали в пределах задач, обязанностей и способом, предусмотренным настоящим законом (п. 3 статьи 35). Узаконена банковская доминанта, которая угрожает клиентам потерей времени, доходов, запретом расчётов.

Нормы международного финансово-правового пространства ужесточаются. В то же время, беспокоит их явная избирательность, которая становится основой для банковского и финансового диктата. Активное внедрение безналичной экономики как часть борьбы с незаконным денежным оборотом де-юре должно способствовать формированию прозрачного финансово-институционального пространства, а де-факто даёт карт-бланш финансовым учреждениям, взаимодействие с которыми становится единственным возможным способом операционной активности рыночных субъектов в условиях роста ограничений их экономической деятельности с позиции силы банковских учреждений и их регуляторов. При этом сами финансовые учреждения, как было показано выше, могут преодолевать неудобные ограничения их деятельности путём более активного использования представителями глобальных финансовых кругов теневого банкинга, офшорных операций и т.д.

Регулирование станет более жёстким именно в отношении рядовых рыночных субъектов. Сегодня в финансово-институциональном пространстве активно развивается новое направление деятельности Regtech – регулирующие технологии. Это сообщество технологических компаний, решающих проблемы, связанные с ростом технологичности экономики посредством автоматизации регуляторных процессов. Развитие цифровой экономики привело не только к увеличению количества цифровых продуктов, но и к росту цифровых злоупотреблений, отмыванию денег и других мошеннических действий, следовательно, считается, что необходима автоматическая проверка контрагентов для того, чтобы не подвергаться опасности вступления в деловые отношения с нелегальными компаниями, а следовательно и риски несоответствия комплаенса. Такие компании, используя большие данные (Big-Data) и тех-

нологии машинного обучения, уменьшают риски для отдела комплаенса компании, предлагая данные о незаконных операциях. Инструменты Regtech предназначены для мониторинга транзакций, проходящих онлайн в режиме реального времени, чтобы выявлять проблемы или нарушения в области цифровых платежей. Любой случай передаётся финансовому учреждению, чтобы проанализировать и определить, имеет ли место мошенническая деятельность. Учреждения, обнаруживающие потенциальные угрозы финансовой безопасности на ранней стадии, способны минимизировать риски и расходы. Компании Regtech сотрудничают с финансовыми учреждениями и регулирующими органами, используя облачные вычисления и большие данные для обмена информацией²³. (В Украине подобный, но очень упрощенный вариант услуг, предоставляет сервис You-control²⁴.)

Несмотря на явное удобство выявления нелегитимного контрагента и операций, неочевидным риском деятельности компаний Regtech является создание нежелательной операционной истории для компании путём признания операций и деятельности компании как проводимой вне правового поля, при этом никто не может исключить оппортунистические мотивации деятельности Regtech компаний или простой ошибки. С другой стороны, это замещает важные аналитические процедуры и принятие решений на основе собственных соображений со стороны компаний – контрагентов, упрощая организационные процессы, сводя их к автоматическому следованию рекомендациям, представленным извне. Следует учитывать, что сущностная амбивалентность комплаенса, его размытость, нахождение вне понимания подчинённых комплаенсу рыночных субъектов – все это результат потери традиционных элементов рыночного взаимодействия, основанных на информационной асимметрии и доверии. В условиях трансформационного перехода от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике (Гриценко, 2018) они постепенно нивелируются, при этом начинает действовать прочный, мало понятный, часто ало-

²³ Reg Tech is mission critical for financial institutions. URL: <https://training.fintech.global/courses/professional-regtech-certificate>

²⁴ URL: <https://youcontrol.com.ua>

гичный контроль, обеспеченный императивным вхождением финансового оператора в экономическое, социальное и повседневное существование рыночных субъектов не только для всестороннего удовлетворения финансовых потребностей, но прежде всего для обеспечения минимизации рисков операционной деятельности.

Разветвлённая структура глобальной банковской системы является отличной сетью для формирования глобального финансового контроля над рядовыми участниками финансовых процессов для борьбы с системными рисками. В процессе контркризисного реформирования созданы новые надзорные системы с их идеальными механизмами получения, переработки, систематизации и использования финансовой информации. При этом усматривается, что финансовые институты, главное экономическое назначение которых как раз и заключается в принятии на себя рисков экономических систем, не могут выявлять и нейтрализовать их самостоятельно. Сегодня становится понятным, что в таких условиях классическое назначение финансовых посредников как "улавливателей" рисков трансформируется. Их функциональный расцвет при рыночной экономике был нивелирован в условиях глобальных либерализационных процессов, когда в арсенале финансовых посредников появились финансовые технологии, позволившие не принимать на себя риски, а безответственно распределять их между другими посредниками (например, путём секьюритизации). Современные функциональные трансформации финансового посредничества происходят в процессе всестороннего контроля над формированием рисков деятельности банковских учреждений. Утрачивая своё первоначальное функциональное назначение, банки становятся оболочкой тотального финансового контроля, реализованного под эгидой комплаенса (Корнівська, 2018).

Исследование современных трансформаций институциональных основ финансового посредничества позволяет сделать вывод о квазиинституционализации или мнимой институционализации, которая проявляется как чрезмерное увеличение надзорных процедур, рост регуляторных механизмов и укрепление контроля на фоне избегания глобальных финансовых структур нежелательного финансового комплаенса. Противоречия наднациональной

институционализации заключаются также в том, что глобальные тенденции усиления надзора вплоть до гиперинституционализации на локальном уровне приводят к формированию и расширению внеинституциональных пространств, не поддающихся классическому регулированию (теневой банкинг), или в которых правила деятельности недоступны для восприятия и использования (банковский комплаенс).

Литература

1. Ботон Дж. М. и Брэдфорд К. И. мл. (2007). Глобальное управление: новые участники, новые правила. *Финансы и развитие*. № 12. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf
2. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. (2013). *Доклады Института Европы*. № 29. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/291.pdf>
3. Глобальное управление: возможности и риски. (2015). URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/globalynoe-upravlenie-vozmozhnosti-i-riski>
4. Гончарова К., Вернигора О. (25 жовтня 2017). Багаторівнева система комплаєнс. *Юридична газета онлайн*. URL: <http://yur-gazeta.com/publications/practice/inshe/bagatorivneva-sistema-komplaens.html>
5. Гриценко А. А. (2018). Цифровий розвиток: структура, капіталізація, соціалізація. *Економічна теорія*. № 4. С. 5–20. DOI: 10.15407/etet2018.04.005
6. Ідентифікація клієнтів банку / офіц. сайт НБУ. URL: https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=39975
7. Кісельов А. (2020). Ризик-орієнтований підхід, відомості про бенефіціарів і контроль підозрілих фінансових операцій. *Ligazakon*. URL: https://biz.ligazakon.net/analytics/194803_noviy-zakon-pro-fnansoviy-monitoring-do-chogo-potrбно-gotuvatisya
8. Корнівська В. (2018). Інститути фінансового посередництва в процесі формування інформаційно-мережевої економіки: монографія. Київ. 436 с.
9. Мовчан А. (2018). Как честному бизнесмену сохранить деньги на Западе. Объясняет Андрей Мовчан. URL: <https://secretmag.ru/business/methods/kak-chestnomu-biznesmenu-iz-rossii-sokhranit-dengi-na-zapade-obyasnyaet-andrei-movchan.htm>
10. Постанова Правління НБУ "Про затвердження Положення про порядок здійснення банками аналізу та перевірки документів (інформації)

про фінансові операції та їх учасників". URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/v0369500-16>

11. Шах А., Шактер М. (2004). Борьба с коррупцией: решения на основе анализа. *Финансы & развитие*. № 12. С. 40-43. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2004/12/pdf/shah.pdf>

12. Bahoo S. (July 2020). Corruption in banks: A bibliometric review and agenda. *Finance Research Letters*. Vol. 35, 101499. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S154461231931170>; <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101499>

13. Bakewell S. (2018). Wall Street Competes With Unregulated Banks for the Riskiest Loans. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-12/wall-street-fights-shadow-banks-in-race-to-offer-riskiest-loans>

14. Bouvatier V., Capelle-Blancard G. and Delatte A.-L. (July 2017). Banks in Tax Havens First Evidence based on Country-by-Country Reporting/ European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/dp_055_en.pdf

15. Compliance and Compliance Function in Banks. (2005). Basel Committee on Banking Supervision. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs113.pdf>

16. Corporate governance principles for banks. (2015). Basel Committee on Banking Supervision. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d328.pdf>

17. CPI 2020: global highlights. 180 Countries. 180 Scores. How does your country measure up? URL: <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2020-global-highlights>

18. Giegold S. (2021). Money laundering in the banking sector: EU Court of Auditors gives European institutions a damning report card. URL: <https://sven-giegold.de/en/eu-court-of-auditors-report-money-laundering-banking-sector/>

19. Jourová V. (2017). Strengthened EU rules to prevent money laundering and terrorism financing. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/just/items/610991/en>

20. Keynote address by Jean-Claude Trichet, President of the European Central Bank, at the Council on Foreign Relations, New York, 26 April 2010. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2010/html/sp100426.en.html>

21. Keynote by Jean-Claude Trichet, President of the ECB at the Institute of International Finance, Spring Membership Meeting Vienna, 10 June 2010. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2010/html/sp100610.en.html>

22. Macknight J. (2011). Shadow banking back under the spotlight. URL: <https://www.thebanker.com/Editor-s-Blog/Shadow-banking-back-under-the-spotlight>

23. Money laundering in Europe. 2013 edition. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-statistical-working-papers/-/KS-TC-13-007>
24. Popkova E. G., Parakhina V. N. (04 November 2018). Managing the Global Financial System on the Basis of Artificial Intelligence: Possibilities and Limitations. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-00102-5_100
25. Speech by Jörg Asmussen, Member of the Executive Board of the ECB, Hertie School of Governance, Berlin, 22 February 2013. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2013/html/sp130222_1.en.html
26. Venkatesan R. (January 1, 2015). Confronting corruption. Commentary. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/confronting-corruption/>
27. Wire Transfer Regulation (WTR): REGULATION (EU) 2015/847 (WTR). URL: <https://www.eba.europa.eu/regulation-and-policy/single-rulebook/interactive-single-rulebook/101948>

Поступление в редакцию 07 февраля 2022 г.

Прорецензировано 20 февраля 2022 г.

Подписано к печати 11 апреля 2022 г.

References

1. Boughton, J.M. and Bradford, C. I. Jr. (2007). Global Governance: New Players, New Rules. No. 12. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf
2. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. (2013). *Reports of the Institute of Europe*. No. 29. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/291.pdf>
3. Global Governance: Opportunities and Risks. (2015). URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/globalynoe-upravlenie-vozmozhnosti-i-riski>
4. Honcharova, K., Vernyhora, O. (October 25, 2017). Multilevel compliance system. Legal newspaper online. URL: <http://yur-gazeta.com/publications/practice/inshe/bagatorivneva-sistema-komplaens.html>
5. Hrytsenko, A. A. (2018). Digital development: structure, capitalization and socialization. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 5-20. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2018.04.005>
6. Identification of bank / office clients. NBU website. URL: https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=39975

7. Kiselov, A. (2020). Risk-oriented approach, information on beneficiaries and control of suspicious financial transactions. *League law*. URL: https://biz.ligazakon.net/analytics/194803_noviy-zakon-pro-fnansoviy-monitoring-do-chogo-potrbeno-gotuvatisya
8. Kornivska, V. (2018). Institutions of financial intermediation in the process of formation of information-network economy: monograph. Kyiv.
9. Movchan, A. (2018). How can an honest businessman save money in the West. Andrey Movchan explains. URL: <https://secretmag.ru/business/methods/kak-chestnomu-biznesmenu-iz-rossii-sokhranit-dengi-na-zapade-obyasnyayet-andrei-movchan.htm>
10. Resolution of the NBU Board "On approval of the Regulations on the procedure for banks to analyze and verify documents (information) on financial transactions and their participants." URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/v0369500-16>
11. Shah, A., Shakter, M. (2004). Fighting corruption: solutions based on analysis. *Finance & development*, 12, 40-43. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2004/12/pdf/shah.pdf>
12. Bahoo, S. (July 2020). Corruption in banks: A bibliometric review and agenda. *Finance Research Letters*, 35, 101499. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S154461231931170>
13. Bakewell, S. (2018). Wall Street Competes With Unregulated Banks for the Riskiest Loans. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-07-12/wall-street-fights-shadow-banks-in-race-to-offer-riskiest-loans>
14. Bouvatier, V., Capelle-Blancard, G. and Delatte, A.-L. (July 2017). Banks in Tax Havens First Evidence based on Country-by-Country Reporting/ European Commission Directorate-General for Economic and Financial Affairs. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/dp_055_en.pdf
15. Compliance and Compliance Function in Banks. (2005). Basel Committee on Banking Supervision. URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs113.pdf>
16. Corporate governance principles for banks. (2015). Basel Committee on Banking Supervision. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d328.pdf>
17. CPI 2020: global highlights. 180 Countries. 180 Scores. How does your country measure up? URL: <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2020-global-highlights>
18. Giegold, S. (2021). Money laundering in the banking sector: EU Court of Auditors gives European institutions a damning report card. URL: <https://sven-giegold.de/en/eu-court-of-auditors-report-money-laundering-banking-sector/>

19. Jourová, V. (2017). Strengthened EU rules to prevent money laundering and terrorism financing. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/just/items/610991/en>
20. Keynote address by Jean-Claude Trichet, President of the European Central Bank, at the Council on Foreign Relations, New York, 26 April 2010. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2010/html/sp100426.en.html>
21. Keynote by Jean-Claude Trichet, President of the ECB at the Institute of International Finance, Spring Membership Meeting Vienna, 10 June 2010. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2010/html/sp100610.en.html>
22. Macknight, J. (2011). Shadow banking back under the spotlight. URL: <https://www.thebanker.com/Editor-s-Blog/Shadow-banking-back-under-the-spotlight>
23. Money laundering in Europe. 2013 edition. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-statistical-working-papers/-/KS-TC-13-007>
24. Popkova, E. G., Parakhina, V. N. (04 November 2018). Managing the Global Financial System on the Basis of Artificial Intelligence: Possibilities and Limitations. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-00102-5_100
25. Speech by Jörg Asmussen, Member of the Executive Board of the ECB, Hertie School of Governance, Berlin, 22 February 2013. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2013/html/sp130222_1.en.html
26. Venkatesan, R. (January 1, 2015). Confronting corruption. Commentary. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/organization/our-insights/confronting-corruption/>
27. Wire Transfer Regulation (WTR): REGULATION (EU) 2015/847 (WTR). URL: <https://www.eba.europa.eu/regulation-and-policy/single-rulebook/interactive-single-rulebook/101948>

Received February 07, 2022

Reviewed February 20, 2022

Signed for printing April 11, 2022